ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЛЕТАРИИ, ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 2 коп.

СВЕРДЛОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ежемесячное бесплатное приложение к „Коммунару".

ОРГАН ТУЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

№ 6. | Апрель 1927 год | № 6.

ЗАПЛАТА.

Не плещи огня на сонмы клавиш:
Не приду на твой любовный зов,
И теперь ты сердце не заставишь
Стать букетом синих васильков.
Не шурши у распахнутых окон
Пестрой кучей модного тряпья.
Для меня теперь твой пышный локон,—
Что венок из старого репья.
Не зови....
А я сжимал когда-то
Руку нежную в своей руке....
Ты тогда увидела заплату
На моем не новом пиджаке.
И ушла...
И больше не пришла ты,
А теперь не знаю, почему,
Пиджаку на рукаве с заплатой
Присылаешь в сутки по письму.
Но теперь ты сердце не заставишь
Стать букетом синих васильков...
Не плещи огня на сонмы клавиш:
Не приду на твой любовный зов.

Михаил Зайцев.

Из вешних песен.

Ну, чего разнюнилась? Не плачь—ка.
Береги слезинок серебро
Посмотри—чернеет водокачка
Неуклюжим выступом-ребром.
Только день весенний лишь заглянет
В наше тусклое и узкое окно,
Я восторженно-невучими стихами
Испишу мой дрянной блокнот.
Когда грязь размытых, сорных улиц
Воды вешние бурливя унесут,
Край счастливых горы целые насулит
Им кукушка в зеленеющем лесу.

Дм. Медведев.

МОЯ РОДИНА.

Эти дни осыпались черемухой
На железные крыши лабазные,
Были зори вишнево-темные,
Были ночи, как сад, непролазные.

Приходил поглядеть на стены я,
На лабазов мешки кирпичные.
С ношей грузчики шли—степенные,
К 10-ти—пудовому привычные.

Не к лицу им пижамы и бантики,
Вы с него бурый кожух не снимете.
Эх, вы, франтики, франтики, франтики,
10-ти—пудовый подчините?

А когда день отталкивал лодкою,
Колыхая пуховым парусом,
Начиналась гульба за слободкою,
У цветной карусели в три яруса.

Рассыпаясь, цвели колокольчики,
Подружившись с гармоникой вензкою.
Пел в театре артист—про креольчики,
Здесь—плясали свою деревенскую.

Умирал гармонист—под окном;
По груди борода синей тучею...
Эта жизнь была непоклонною—
10-ти—пудовая грузчина!

По реке быстрокрылыми птицами
Пролетали в даль лодки моторные.
Шелестела пахучей страницею
Жизнь степная—большая, упорная.

Эти дни осыпались черемухой
На железные крыши лабазные;
Были зори вишнево-темные,
Были ночи, как сад, непролазные.

Иван Костин.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б.) И. Сталин.

I.

Весна. Страстная седьмица. С тощей сельской колокольни несется заунывное: блям, блям!..

По улице идет полковник с молодой женой. Он говел и ёму пришла в голову блажь итти пешком. За ним тянется длинная вереница крестьянских повозок. Крестьяне вытягивают шеи, заглядывают вперед и в недоумении качают головами.

Важно выступая, медленной поступью шел офицер.

На первой повозке сидел и всхлипывал мальчик лет 13, то и дело прикладывая озябшую рученку к кровоподтеку на лице. Он едва шевельнул возжей, как его кто-то сжег по лицу.

Сквозь покатившиеся из глаз слезы, он увидел свирепое лицо офицера и, осадив лошаденку, поехал сзади, слушая мелодичный лязг серебрных шпор и заунывное: блям, блям!..

Пробовали еще крестьяне обогнать чету. Им—было тоже так. Минут двадцать тянулась эта процессия по прямой сельской улице,—пока офицер не свернул на свою квартиру и не освободил дорогу.

II.

Глубокий вечер. С двенадцати евангелий шли со свечами...

По средине двора, у штаба стояли две подводы, на которых сидело по одному арестованному и по два юнкера с винтовками.

— В бор?

— На станцию...—плутовато улыбаясь, ответил старичек-писарь, бывший псаломщик, ныне доброволец.

На полдороге к станции арестованных расстреляли.

Это были рабочие одного из центральных заводов. За ними в течение целого полугодия следила контр-разведка и, устав от бесплодной слежки, решила покончить с „неблагонадежным элементом“ сразу.

III.

Еще в вербное воскресенье в полк привезли „николаевки“ и офицерство кутило, несмотря на „великие дни“. Изрядно выпив (для голоса), прапорщик Ланк шел к пасхальной заутрене. По дороге, чуть не смяв его, пронеслась мимо пара лошадей и рассыпался „ее“ смех—„она“ была с другим. Прапорщик, зарядив приличную дозу кокаина, прибавил шагу.

— Кто он? Так себе, разночинец. За ряд очертя-головых выходок его произвели в „офицерский чин“. И он, спасая свою единственную звездочку, бежал от красных.

Но здесь, на каждом шагу, ему указывали его место чистокровные гвардейские офицеры.

— Гей-ей!—окрикнули его. Он не свернул. И, подхваченный санями, покатился по сугробу, отыскивая рукоятку револьвера и пытаясь подняться.

Лошади встали.

В санях приподнялась фигура офицера-соперника.

Раздался выстрел. Фигура с саней полетела в снег.

Ланк выстрелил еще. Лошади подхватили и понесли...

Одновременно раздался веселый перезвон колоколов, и кто-то затянул:

— Христо-ос... Воскре-се...

Голоса подхватили:

И су...у...щим во гро...бе...ех... жи...вот... да-ра-ва...

— Воистину, чорт возьми!—усмехнулся Ланк, вкладывая дымящийся револьвер в кобуру.

С. Корнев.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Хоровод.

Зимы, весны-кони
И невидимость их
Облетает хвоей
Елок голубых.

Пух берез зеленых,
Буйная трава—
Сторожат Семен их
Долгие года.

То же поле, межи,
Та же синь реки,
На песке все те же
Утки, кулики...

От лесной сторожки
Звонко в ширь полей
Льется трель гармошки,—
Разливная трель...

Старо или ново—
Отдала любовь
Летом в поле Поля
Сене за гармонь
. . . . . .
. . . . . .

Синие кукушки
Брошены на ил.
И цветы-ракушки
Дождь в пески замыл.

Росу обивая,
В тайне от ребят
Девки убегают
В яблоневый сад.

Ароматом тянет
К речке их, к лугам,
Жухлыми плетнями
В розовый туман.

Чуть не до рассвета
Песенный народ,
Как и прошлым летом,
Водит хоровод.

Родины-ль раздолье,
Девичий-ли зов,
Жгучим половодьем
Разливают кровь.

Стихнет песня в поле,—
Звонкою струной
Снова голос Поли
Льется над рекой.

Всех колдует девка
Песнями с тех пор,
Как с цветами с Сенькой
Пела у озер...
. . . . . .
. . . . . .

То же поле, межи...
Та же синь реки...
На песке все те-же
Утки, кулики...

Те-же, да не те-же,
Как не тот Семен...
Отгрустился свежий
Кленов перезвон.

М. Кольчугин.

Дружеские шаржи
Саши Лесного.
На местных писателе

Сергей Корнев.

Вас. Старцев.

Ал Медведев.

На ветру.

У березы слезы сизер
От росы тумана.
Почему девчине Лизе
Не любить Степана?

Почему под вечер рдяный
Не гулять за садом?
Чернокудрого Степана
Приголубить надо.

Степа слесарь на заводе
В кудрях буйство ветра,
А гулять со Степой ходит
Токарь Лизавета.

Степка пилит, измеряет,
Степин цех слесарный,
Лизе стружку завивает,—
Лизин цех токарный.

Лиза там, где говорливый
Рокот ше терепный,
Где обнялись шкив со шкивом
Парой рук ременных.

У Степана в цехе визги,
Хрипатый свист точила,
Там играет солнце в брызги
О медяный распыл.

У завода, возле входа
Рано утром встреча,
Ну, а с солнечным заходом,
Их сближает вечер.

Небо рдяно в час заката,
Сумрак тушит солнце,
А в дали, в огнях „прожитый"
Пятнами оконца.

Появился полумесяц—
Желтая улитка,
Манит шелест перелесиц:
„Выйди за калитку".

Скрипнут разом две калитки
С двух концов поселка,
Завивает ветром витки
Разудалый Степка.

Ф. Гуляшки.

Тульское.

Опять... Опять весной пахнуло.
И под журчание ручья
Мне вспомнилась родная Тула,
С ней хлесткий говор казачья.
И тут, в Москве, при каждой встрече,
Мне хочется сказать хоть слово:
— Эй, тетка! Ты не из Заречья?
— Да нет, кормилец, из Чулкова...
Иду на Киевскую будто,
Там по дешевке распродажа...
А я раздета, вишь, разута...
Вот пальцы выскочили даже.
Мне жаль ее... Смешно немного,
Когда она, подол откинув,
Вдруг задирает кверху ногу,
Чтоб показать мне свой ботинок.

Москва, 1926 г.

А. Медведев.

КРЫМСКИЕ СТИХИ.

I.

Жизнь требует смеха...

Везде жизнь требует смеха,
Не любит заплаканных глаз.
А как, если—меньше ореха
В море рыбацкий баркас?

В баркасы усядутся по-три,
Махнув на прощанье рукой.
Жена темноликая смотрит
В след им с привычной тоской.

Зеленое гиблое море...
Здесь круто посолена кровь.
Ветром навеяло горе,
Солнцем пригрета любовь.

Налеплены скалы, как сайки.
И, если какая беда,
Отчаянный выкрик: „Спасай-ка!"
Удавит морская вода.

Труд неустанный, суровый,
Море берет нипочем.
Сегодня—удачливый в лове
На-день слывет богачем.

Когда-ж твои мускулы сдали—
Жизнь оценена в грош.
И в дымчато-розовой дали
Завтра же гибель найдешь...

Хоть звезды—крупнее ореха
И северных ярче в сто раз—
И здесь жизнь требует смеха,
Не любит заплаканных глаз.

II.

Саддин.

Расскажу о яблоке шафранном.
Это яблоко мне дал Саддин.
Выходил с корзиною он рано
В розовые сонные сады.
Оттого, что жизнь камениста—
У Саддина веры в счастье нет.
Оба сына,— оба коммуниста,
Где то потеряли след.
По сияющим солончаковым далям
За Буденным шли они, пока
На прощание не увидали
Над собой коралловый закат...
Под сверкающею лунной течью
Делались воздушнее сады.
С пожеланьем: „Добрый вечер!"
Подходил ко мне Саддин.
И подолгу, обхватив колени,
С тюбетейкою шитою—на голове,
Спрашивал о светлом Ленине,
О запрятанной в снегах Москве...
Я уехала.. Забылось солнце,
Розовый благоуханный Крым,
И застлал морозные оконца—
Городской чуть лиловатый дым.
Как-то на заснеженном бульваре
Я увидела шафран... И вдруг—
Вспомнилось мне... солнце, Крым, татарин—
Тамошний недолгий друг...
О Саддин!.. И в сердце азиатском.
Ленин видел каждую из ран!
Оттого жизнь станет сладкой,—
Как подаренный тобой шафран...

III.

Северное сердце.

Очень, очень легко неадешнему
Сбиться с пути и толка,
Когда вместо вишен—черешни
И кипарис вместо елки,

Когда виноград на блюде—
Прозрачнее, чем слеза.
И расплавлена над всем и повсюду
Персидская бирюза.

И еще ночи в звездных червонцах,
А дни беспощадно ярки.
Такое большое солнце,
Что русскому очень жарко,

И, хотя это солнце—здоровое,
Все же будешь украдкою думать
О стране, где морозы суровые,
О грибах и сосновом шуме.

Пусть у девушек черные косы,
Голубые и алые бусы—
Все же будешь глядеть искоса:
Почему бы не стать им русыми?

Сердцу, что с севера—грустно,
Что дождик—и тот веселый...
И когда под осенние хрусты
Побегут мимо поезда села—

Станет как-то теплее и проще.
Наконец-то, оно настоящее:
И янтарные тихие рощи,
И фабричные гулкие ящики!..

Галина Краева.

ЦЕНА 15 к., по подписке 10 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Случай с буфетчицей.

С буфетчицей станционной Нимфадорой Сидоровной такой случай был:

Зашел в буфет кум ее, Клементий, выпили они, закусили, побеседовали по душам, а как ушел кум, так и разморил Нимфадору Сидоровну сон.

На стойке буфетной самоварище этакий огромный, двухведерный фырчит, угаром на весь зал станционный дышит, а у Нимфадоры Сидоровны через губы слюнка сладкая, сочная.

Сон, значит, отрадный.

Вздремнула таким манером буфетчица, просыпается—глазам своим не верит.

— Свят, свят...

Такое диво с самоваром произошло, уму помраченье: был самовар большой, блестел, словно зеркало, а тут вдруг маленьким стал, помутнел, весь в подтеках зеленых и вдобавок на бок завалился, вроде—полный инвалид по всем статьям.

Вот какую штуку проделали хитрые воры, насмешники, пока Нимфадора Сидоровна сну сладкому предавалась.

Случай этот, между прочим, рассказывал телеграфист, Петр Стратоныч Ленточкин, любительскому актеру Трояновскому, присланному из города на степную станцию, „для налаживания работы драмкружка".

Трояновский жил на станции пятый день, но за работу еще не принимался, так как, по его собственным словам, на него „напал сплин и в башке абсолютнейший кавардак".

Трояновский сопел большим носом и в его черных глазах был мрак и тоска.

Случай с буфетчицей, рассказанный телеграфистом Ленточкиным, развеселил Трояновского, и, басисто похохотав, он перекинул ногу на ногу и, свертывая папироску чуть не в два пальца толщиной, густо и убедительно сказал:

— Из вас был бы артист. Вам надо на сцену, непременно на сцену.

— Телеграфисту Ленточкину было за сорок. В молодости он не раз выступал на любительских дачных спектаклях, но теперь у него появился седой волос на висках и случалось, перед сырой погодой, ломило поясницу.

В станционном доме Петр Стратоныч имел квартиру из двух комнат с кухней. Там в мягких туфлях шмыгала по половикам жена его, Анфиса Власьевна, рыхлая, полнотелая, бесплодная, женщина придирчивая и чудливая.

— Непременно на сцену, — повторил Трояновский, и Петру Стратонычу стало так тепло, как-бы стоял он в адамовом костюме под солнцем и солнце пропекало его насквозь.

У Петра Стратоныча легонько и отрадно закружилась голова.

В этот день вечером Трояновский сидел у Петра Стратоныча, пел под гитару: „Отойди, не гляди, скройся с глаз ты моих", —пил с великим наслаждением горькую и предвещал Петру Стратонычу блестящие успехи на сцене:

— Ты—загубленный талант. Абсолютно.

Поздно вечером, ложась спать, Петр Стратоныч вздыхал, преисполненный великой к себе жалости.

— И чего жизнь прожил? Эх, хе... Не за понюшку табаку... А что Трояновский-то говорит... а? Слышала? Кумиром, говорит, будешь. А кабы мне с молоду-то?..

Но что может понимать Анфиса

Власьевна? Что для нее погибший талант?

Она в сердцах перетряхнула пуховую подушку и потушила лампу.

— Спи,—сказала она.—Ахтер, прости, господи!

Луна прямо.

Первая репетиция была назначена в субботу, в восемь вечера.

Петр Стратоныч оделся, пригладил усы, украдкой от жены посмотрелся в зеркало (не подумала бы чего плохого), сунул в карман роль—ученическую в синей обложке тетрадку.

Петр Стратоныч играет старого барина, влюбленного в молоденькую служанку; служанку играет Груня Гамаюнова, девица лет двадцати восьми, с мечтательными глазами, живущая у своей тетки Анны Петровны, что состоит сторожихой при кондукторских бригадах.

Выйдя на улицу, Петр Стратоныч прежде всего увидел тонкий, золотой серп молодого месяца.

„Прямо луну увидеть—к удаче"—подумал Петр Стратоныч и почувствовал в ногах горячую крепость.

На платформе его окатило холодной широкой волной налетевшего с полей ветра — Петр Стратоныч сунул подбородок в меховой воротник пальто.

На платформе качался неясный свет фонаря, громыхал, свесившись с низкой крыши, лист железа, быстрые клочья облаков летели по небу на месяц, и в темных провалах, меж облаками, качались звезды.

Живыми светляками светились огни у постовой будки, тутукал рожок стрелочника.

Когда Петр Стратоныч спускался по обледеневшей лесенке с платформы, прямо перед ним, из-под товарного вагона, вынырнул человек с фонариком.

— Куда это?

— На репетицию,—коротко ответствовал Петр Стратоныч и стал подниматься на пригорок, к школе.

Драмкружок собирался плохо. Приходили по одному, курили, разговаривали, две девицы щелкали семячки и хихикали тихонько, слушая развеселые анекдоты Федьки Бабакина.

Все собрались к восьми.

Тогда сторожиха Акулина зажгла две лампочки и поставила на сцену, и при свете этих лампочек Петр Стратоныч увидел розовое, припудренное лицо Груни.

Груня поежилась, на пристальный взгляд Петра Стратоныча она ответила улыбкой и спросила:

— К роль? Выучили?

— Как сказать...

По какой-то неизвестной для самого причине Петр Стратоныч почувствовал мальчишескую неловкость, поперхнулся и глотнул воздуха, словно утопающий.

В это время на скрипучий пол сценки грузно ступил Трояновский и заторопил:

— Начинаем, товарищи, начинаем.

Посмотреть репетицию сбежались мальчишки и девчонки, у печки примостилась Акулина, с метлой в руках, на страх веселым баловникам.

Репетиция шла до очевидности неудачно.

Артисты были неповоротливы, а Трояновский горяч.

— Батюшки мои,—вопил он,—ну, кто же, кто к публике задом становится?.. Недопустимо, абсолютно. Вот, вот как надо... Глядите: вы выходите из этой двери, проходите так, к креслу, повертываетесь... Ну, ну...

Во втором действии он учил Петра Стратоныча:

— Вы должны трепетать!.. Понимаете? Вы берете ее за руку—у вас дрожь в руке. Так... Теперь говорите, сюсюкайте, сюсюкайте, дрожите. Страсти, страсти больше! Огня! Теперь вы обнимаете ее. Да не так же, не так, ну, разве так? Больше чувства! Ведь не береза, ведь девушка рядом с вами!

Петр Стратоныч вспотел.

Он неловко обнял Груню за талию, еле прикасаясь к теплому сквозь кофту телу.

Тогда Трояновский, взлохматив свою густую шевелюру, подбежал к Петру Стратонычу, схватил его руку и крепко притиснул к грудной груди.

— Вот! Надо, чтоб было по-настоящему. Так. Теперь вы целуетесь. Петр Стратоныч перевел дух и взглянул на Груню, как-бы спрашивая, можно-ль целоваться по-настоящему.

— Да целуйтесь же, наконец,— опять воспламенился Трояновский.

Мальчишки и девчонки прыснули смехом, а сторожиха Акулина выругалась и плюнула:

— Бессовестный народ пошел,—прости, господи.. Женатый человек, а бельма бесстыжие.. Святители милостивые... Охо-хо...

Репетиция кончилась поздно.

Когда драмкружковцы расходились по

домам—морозно звенели звезды.

В этот февральский вечер нежнейшим подснежником расцвела в сердце Петра Стратоныча любовь...

Знают то, чего не было.

У школы по краю дороги выстроились в ряд рябые березы.

Сквозь темную, сырую сетку ветвей глядит синяя глубина неба, на березах темные пятна гнезд и веселый птичий гомон.

У школьного крыльца стоял, пригретый солнцем, Петр Стратоныч, курил и наслаждался теплом и светом мартовского дня.

Весна. Вон уже проталина на пригорке дышит сладкой земляной силой; в лужах синь и золото, и, радостно охмелев от солнца, поет о весне желтоперый петух, взобравшись на мокрую, дымящуюся под солнцем, погребицу.

У крыльца Авдотья сзывает кур:

— Цып, цып, цып...

На Авдотье клетчатая панева, подол подоткнут, ноги в толстых шерстяных чулках и старых мужских галошах.

— Цып, цып...

Налетели рябые, хохлатки, золотистые.

Из ближнего села приплыл звон.

— Ох, господи, господи,—крестится Авдотья.—Кобедня, должно-быть, отшла. А тут живешь, как турка какая, прости, господи... Владычица... Цып, цып... Рябенька курочка пропала... Нешто можно с нынешним народом птиц водить, так и норовят украсть. Живем вроде азиятов. Цып, цып, цып...

Но вместо рябенькой, подлетел чужой петух, глазом-горошинкой подозрительно посмотрел на Авдотью и кукарекнул.

— У, пралик тебя расшиби...—Красная, обветренная авдотьина рука, с засученным до локтя рукавом, огрела петуха по гладкому, лоснящемуся боку.

Тут Авдотья сердито посмотрела на Петра Стратоныча и спросила:

— Репетиция што-ль опять?

— Генеральная,—ответил Петр Стратоныч.

— Так чего-же тут сидишь?—сказала Авдотья,—иди, Грушка-то давно пришла, на сцене сидит, дожидается.

Сокровенный смысл авдотьиных слов Петр Стратоныч понял не сразу, но сразу почувствовал намек какой-то, как будто знала что-то Авдотья о тайном чувстве Петра Стратоныча к Груне, о том чувстве, которое ревниво хранил он от людей и вверял только одной тихозвучной гитаре.

Слова, сказанные Авдотьей, навели Петра Стратоныча на всяческие размышления, и, зная острый и кляузный авдотьин язык, подумал Петр Стратоныч о могущей быть неприятности семейного характера.

Но эта темная мысль утонула в радужном свете нахлынувшего на Петра Стратоныча чувства—будто к нему вернулась молодость.

Он не стал разговаривать с Авдотьей, показал ей спину, забрызганную теплой капелью, и скрылся в школьном коридоре.

На генеральной он держался смело, а на спектакле окончательно, по выражению Трояновского, „вошел в роль“ и от чистого сердца поцеловал Груню в отцветшие, накарминенные уста.

Искренность этого поцелуя была замечена многими зрителями, в том числе и Анфисой Власьевной, которую многие женщины в этот день уверяли клятвенно, что они знают „всю подноготную“.

После спектакля Анфиса Власьевна пришла в учительскую, служившую уборной комнатой артистов, и, прожигая мужа грозным, испытующим взглядом, сказала только одно слово:

— Одевайся!

Дома с Анфисой Власьевной случилась истерика.

Неожиданный оборот.

Властной рукой Анисы Власьевны артистической карьере Петра Стратоныча был положен конец.

Гнусная сплетня про Петра Стратоныча, липкая и омерзительная, всеми жителями станционного поселка приялась за сущую правду, женщины смотрели на Петра Стратоныча косо, а приятели хлопали его по плечу, снисходительно улыбаясь.

— Ничего, Петр Стратоныч... С кем такого греха не бывает. Не тужи.

Петр Стратоныч стал ходатайствовать о переводе его на другую станцию, но перевод затянулся, а время шло.

Поля набухали черноземной силой и все земное жаждало майской живописной грозы. Но грозы не было весь май, она собралась только в июне.

Она могуче прогремела над степью, хлынула дождем, шумным как водопад.

В тот день забежал в телеграф мальчишка со склада топлива и сунул Петру Стратонычу мокрый конверт.

В конверте было письмо:

— Любезный Петр Стратоныч, нахожусь я в болезни, при интересном положении, и скоро у меня будет младенец, который требует по закону пропитания, и если по доброй воле не согласны давать на прокормление, то на это есть суд, а свидетели у меня есть и они все на суде скажут. А если вы не согласны и, как некоторые мужчины делают, вздумаете произвести месть, то знайте: мне жизнь недорога и сама я могу на себя руки наложить. никакой мне отрады в жизни нет. Пожалуйста, скорее ответьте.

Ваша любовь.
Аграфена Стручкова.

— Стерва анафемская,—на весь телеграф воскликнул Петр Стратоныч, приведя в немалое изумление сослуживцев.

А когда он пришел в себя от потрясающего действия письма, он сказал:

— Вот неожиданный оборот дела.

Гитара.

Анфиса Власьевна уехала к сестре, пообещав ногой не бывать у Петра Стратоныча.

Петр Стратоныч живет один, служит и платит алименты.

Но что такое алименты? Даже те, которые выплачиваются за чужой грех?

Алименты—сущая ерунда. Металл презренный.

Вечерами Петр Стратоныч играет на гитаре (она всегда настроена на минорный тон) и в тихой грусти одиночества чувствует Петр Стратоныч нежный привет любви.

Сергей Дмитриев.

Апрельская песня.

Сон весенний колыхая,
Песня эрея выжимтся...
Посмотри—
Как полыхают
Солнечные лужицы.
И с ручьями в перегонку
Лучевые венички...
Рассыпает нитью звонкой
Чей то смех—бубенчики.
В песне солнечных прелюдий
В нежный звон закованы...
Почему то эти люди
Нынче так знакомы вам...
Почему то нынче вьется
Синий звон—колокольни...
Я стою
И жду кого то
Под чужими окнами...
Потому ли,
Что заснули
В сердце раны ранние,
Потому ли
Потонули
В синеве окрашены.
А кругом
Ручьистой трелью
И журчит, и жмурится—
Золоченой каруселью
Проплывает улица.
О песней радостной,
Бесспорной,
никогда не петой,
Я стою
И жду кого то,
А кого—не ведаю...

В. Сухотин.

Гублит № 436 Редактор: Редакционная коллегия